

В. Измозик, Б. Старков, Б. Павлов, С. Рудник

ПОДЛИННАЯ ИСТОРИЯ РСДРП—РКПб—ВКПб

БЕЗ
УМОЛЧАНИЙ
И
ФАЛЬСИФИКАЦИЙ

краткий курс

 ПИТЕР®

Москва • Санкт-Петербург • Нижний Новгород • Воронеж
Ростов-на-Дону • Екатеринбург • Самара • Новосибирск
Киев • Харьков • Минск

2009

В резолюции по отчету ЦК отмечались лишь «ошибки в области хлебозаготовок и внешней торговли», но подчеркивались «бурный рост народного хозяйства в целом», «экономическое наступление пролетариата... и продвижение экономики СССР в сторону социализма»⁸³. Еще до съезда, 3 декабря 1925 г., председатель ВСНХ Ф. Э. Дзержинский написал письмо Сталину, в котором буквально кричал о положении в промышленности. Он, в частности, писал: «... я должен просить ЦК об отставке, так как при создавшемся положении руководить успешно промышленностью не в состоянии... мы идем быстрыми шагами к кризисам частичным, которые все дальше разрастаясь, будут все шириться и смогут превратиться в серьезнейший кризис, если партией не будут в самом срочном порядке приняты необходимые меры... мне не остается ничего, как просить отставки, и я уверен, что если бы жив был бы Владимир Ильич, он мою просьбу удовлетворил бы». Хотя это письмо Дзержинский так и не отправил, но чувство раздражения существовавшей системой управления у него лишь усиливалось. В черновом варианте обращения от 1 июня 1926 г. к своим заместителям по ВСНХ звучали крайне резкие выражения: «...я вынес твердое убеждение о банкротстве нашей системы управления, базирующейся на всеобщем недоверии... Эту систему надо отбросить, она обречена». И хотя слово «банкротство» было заменено выражением «о непригодности», а фраза «она обречена» была вообще убрана, суть позиции Дзержинского от этого не менялась. Через месяц, 2 июля 1926 г., за 18 дней до смерти, он обращался к председателю Совнаркома СССР, члену Политбюро ЦК А. И. Рыкову с очередной просьбой об отставке. Он вновь утверждал, что «при нынешней экономической политике... я не могу перед органами госпромышленности выступать и руководить ими как представитель правительства, ибо политики этого правительства я не разделяю»⁸⁴. Одновременно Дзержинский, ставший за годы руководства промышленностью «правым большевиком», был решительным противником платформы оппозиции. На пленуме ЦК в апреле 1926 г. он говорил: «В тех речах, с которыми здесь выступали гг. Каменев и Троцкий, совершенно ясно и определенно нащупывается почва для создания новой платформы, которая приближалась бы к замене не так давно выдвинутого лозунга “лицом к деревне” лозунгом “кулаком к деревне”. Все это вызывало в его душе «сшибку», убийственно действуя на сердце.

Между тем, оппозиция также не собиралась отказываться от борьбы. Действительно, в апреле 1926 г. точки зрения «старой» и «новой» оппозиции на причины существовавших экономических трудностей и способы их преодоления практически совпали. Спустя короткое время возник политический союз Зиновьева и Каменева с Троцким. Уже в ходе работы июльского (1926 г.) объединенного пленума ЦК и ЦКК они подписали первое совместное заявление. В нем, в частности, бывшие борцы с Троцким заявляли: «Сейчас уже не может быть никакого сомнения в том, что основное ядро оппозиции 1923 года правильно предупреждало об опасностях сдвига с пролетарской линии и об угрожающем росте аппаратного режима». Л. Д. Троцкий впоследствии вспоминал, что среди его сторонников было немало таких, которые противились этому блоку. Один из военачальников гражданской войны, дважды награжденный орденом Красного Знамени, С. В. Мрачковский говорил: «Сталин обманет, а Зиновьев убежит»⁸⁵.

В результате появился блок с весьма разноречивой платформой, в котором были сторонники «диктатуры промышленности» (Ю. Л. Пятаков) и сторонники экономического регулирования (Г. Я. Сокольников), твердые сторонники однопартийности и люди, допускавшие возможность появления других легальных партий. Между тем, в глазах большинства членов партии примирение вчерашних противников, казалось, полностью доказывало их беспринципность и неправоту. К этому добавлялась невозможность для оппозиции открытой пропаганды своих взглядов. К лету 1926 г. был создан конспиративный центр, руководимый Троцким и Зиновьевым. Представители оппозиции в крупных промышленных центрах (Брянск, Ленинград, Одесса, Свердловск, Харьков и др.) пытались проводить нелегальные собрания своих сторонников, распространять информационные сводки об итогах съезда и прошедшего пленума ЦК.

На одном из таких собраний, 6 июня 1926 г., в подмосковном лесу, выступил с докладом кандидат в члены ЦК и зам. председателя Реввоенсовета СССР М. М. Лашевич. При сложившейся системе политического контроля информация о большинстве таких собраний, конечно, имела у органов ОГПУ. «Дело Лашевича» стало показательной «поркой» оппозиции. Семь участников собрания уже 8 июня были вызваны в следственную комиссию ЦКК, где им предъявили обвинение в нарушении постановлений X, XIII и XIV съездов

о единстве партии, фракциях и группировках. Характерно, что по отношению к двум рядовым рабочим — Н. М. Власову, члену партии с 1918 г., и К. А. Волгиной, члену партии с марта 1917 г. — признавшим свою ошибку, Президиум ЦКК ограничился решением «указать и разъяснить» ошибочность их поведения. Зато Лашевичу и другим был объявлен строгий выговор с предупреждением, он был немедленно снят с поста зам. председателя РВСР. Далее вопрос был рассмотрен 23 июля 1926 г. на объединенном пленуме ЦК и ЦКК, принявшем специальную резолюцию и исключившем Лашевича из состава ЦК ВКП(б). Одновременно из членов Политбюро был выведен Зиновьев. Вместо него в Политбюро вошел Я. Э. Рудзутак, а кандидатами в члены Политбюро впервые стали А. А. Андреев, Л. М. Каганович, С. М. Киров, А. И. Микоян, Г. К. Орджоникидзе⁸⁶.

По сути, это было серьезнейшее предупреждение партийным активистам, партийному чиновничеству. Дух лицемерия, угодничества все больше проникал в коридоры власти и в общество. Уже позднее, будучи в ссылке, бывший председатель Совнаркома Украины в 1919–1923 гг., известный деятель международного социалистического движения Х. Г. Раковский пытался размышлять о процессах, происходивших в партии и рабочем классе в 1920-е гг. Он писал в августе 1928 г., что партийный аппарат обюрократился, вместо дела занимаясь статистическим шарлатанством, изменяясь под воздействием привилегий, преимуществ и поблажек, присущих власти⁸⁷. Действительно, большая часть партийного чиновничества была озабочена уже не проблемами мировой революции или теории построения социализма, а своими личными интересами. Отметим только, что эти язвы были присущи и большинству руководителей оппозиции.

К тому же, людей мало волновали эти политические споры власть имущих. Их заботили, прежде всего, повседневные нужды. Страна, оправившись от разрухи гражданской войны, продолжала в подавляющем большинстве жить крайне скудно. Безработица составляла до 15 %. В деревне по-прежнему не была решена проблема аграрного перенаселения. Слесарь из Владивостока писал Молотову: «Пока Вы там спорите, у меня семья может с голоду умереть... Вы напоминаете средневековые турниры споров на религиозную тему». Немало людей обвиняло власти в забвении идеалов Октября. Рабочий из Армавира обращался к Сталину: «Аппетиты зарвавшихся нэпманов, партийцев

и спецов нужно сократить, так как такая несправедливость в пролетарском государстве нетерпима... Дайте работу! Дайте хлеба! Дайте справедливости!»

Многим казалось, что спасение, как в годы гражданской войны, в железной дисциплине. Коммунист с 1918 г. писал «дорогому товарищу Сталину»: «Оппозиция говорит, что она против создания вождя партии, а я хочу Вам сказать, что этот вождь должен быть... Нужна одна фамилия, которая бы звучала так же звонко и убедительно, как фамилия “Ленин”. Такой фамилией пока является “Сталин”. Нужно эту фамилию распространять... Нужна дисциплина, железная дисциплина. Если нет никакой возможности примирения, поставить вопрос прямо: заразу выжечь каленым железом».

Одновременно немало думающих людей видело суть этой схватки в личной борьбе за власть. Профессор, директор средней школы в Ленинграде Р. Куллэ записывал в своем дневнике: «1925 г. 30 декабря... Интересно, из-за чего они передрались? Внешне как будто все из-за тех же старых штанов Ильича: кто лучше понимает их запах; 1926 г. 1 августа... Мир ждет диктатора... Драка только из-за личности: кто кого слопаёт».

Вся эта разноречивая информация доходила до Кремля и, несомненно, влияла на его обитателей. Руководство по-прежнему испытывало страх перед собственной страной, перед многомиллионным крестьянством, перед интеллигенцией. Споры внутри партии действительно казались многим функционерам и коммунистам недопустимой роскошью. Все это давало возможность Сталину и его сторонникам последовательно вести дело к ликвидации оппозиции.

При этом Сталин предпочитал пока бить оппозицию по частям. 25 июня 1926 г. он писал «Молотову, Рыкову, Бухарину и другим друзьям... Группа Зиновьева стала вдохновителем всего раскольничьего... удар должен быть нанесен именно по этой группе... объединить Зиновьева и Троцкого в один лагерь преждевременно и стратегически нерационально сейчас». 30 августа Сталин делился с Молотовым: «Дело идет к тому, что нам не миновать... снятия Григория [Зиновьева] с Коминтерна». Промежуточная цель была намечена. Теперь нужен был лишь предлог. И он вскоре появился.

Едва в начале октября 1926 г. Троцкий, Пятаков, Радек и др. попытались выступить на партийном собрании на заводе «Авиаприбор» в Москве, Зиновьев — на заводе «Красный Путиловец» в Ленинграде,

а их сторонники на других предприятиях, заработала партийная машина. Лишь 5 % участников голосовали за оппозицию. Уже 23 октября очередной объединенный пленум ЦК и ЦКК постановил отстранить Зиновьева от поста председателя Исполкома Коминтерна, вывести Троцкого из членов Политбюро, а Каменева — из кандидатов в члены Политбюро.

Одновременно шло наступление на оппозицию по теоретической линии. Логические сомнения лидеров и участников оппозиции о возможности построения социализма, по Марксу и Ленину, в одной стране, о невозможности реализовать в таком случае основные положения Второй программы партии наталкивались на обвинения в «капитулянтстве», «неверии в силы рабочего класса» и тому подобную демагогию. Во внутрипартийной борьбе Сталин теперь использовал возможности органов ОГПУ: перлюстрация частных писем, наружное наблюдение, вербовка осведомителей и другие методы. С помощью провокатора ОГПУ, бывшего белого офицера, была создана нелегальная типография, печатавшая оппозиционные материалы. Затем эта типография была «раскрыта», и оппозицию обвинили в использовании антисоветских элементов.

Весной 1927 г. резко обострились внешнеполитические проблемы. В апреле произошел конфликт между лидером Гоминдана Чан Кайши и коммунистической партией в Китае. Это стало провалом надежд на скорый успех китайской революции. Тогда же, с интервалом в несколько дней, в Пекине и в Лондоне полиция провела обыски в советском полпредстве в Китае и советском торгпредстве в Англии. Последовали заявления о связях советских дипломатов с деятельностью Коминтерна. Английский парламент принял решение о разрыве с СССР дипломатических отношений и торгового договора. В апреле — мае 1927 г. Политбюро ЦК пять раз обсуждало вопрос об усилении конспирации в работе дипломатических представительств СССР. Исполкому Коминтерна, ОГПУ и Разведывательному управлению было приказано принять меры, «чтобы товарищи, посылаемые этими органами за границу по линии» Наркомата иностранных дел и Наркомата торговли, «в своей официальной работе не выделялись из общей массы сотрудников полпредств и торгпредств»⁸⁸. 6 июня эмигранты-террористы из Российского общевойска союза бросили бомбу в ленинградский партийный клуб на набережной р. Мойки, 7 июня на вокзале в Варшаве русским эмигрантом был убит советский посол

П. Л. Войков. 8 июня Политбюро постановило среди прочих мер расстрелять 20 арестованных, обвиненных в белогвардейской деятельности. Приговор был приведен в исполнение 9 июня. ОГПУ получило право во внесудебном порядке расстреливать по обвинению в белогвардейской деятельности⁸⁹. Руководство страны выдвинуло тезис о «военной угрозе».

Сегодня большинство специалистов убедительно доказывает, что непосредственной опасности войны не существовало. Но и партийное большинство, и оппозиция старались использовать этот лозунг в своих политических целях. К тому же, наряду со страхом перед собственным народом существовал стойкий комплекс «осажденной крепости». 1 июня 1927 г. было опубликовано обращение ЦК «Ко всем организациям ВКП (б), ко всем рабочим и крестьянам». В нем предлагалось готовиться к войне, «поднимать хозяйство, крепить транспорт и оборону». Население, помнившее голод гражданской войны, отреагировало скупкой в магазинах всего, что может храниться длительное время: соли, спичек, керосина, круп, муки, сахара, промтоваров и т. п. Нарком торговли А. И. Микоян заявил в конце года: «Мы пережили экономические затруднения кануна войны без того, чтобы иметь войну». Потребительский рынок начал разваливаться. В Нижегородской области в очередях за мануфактурой скапливалось более 700 человек. На Урале в одной из очередей задавили женщину с ребенком⁹⁰. В октябре — ноябре в промышленных центрах начали вводить нормированное распределение продуктов, которых все равно не хватало. Дополнительным фактором дефицита хлебных продуктов стало очередное понижение закупочных цен на зерно. В результате значительная часть крестьян-товаропроизводителей не видела смысла в немедленной продаже зерна в ситуации опустевших прилавков. Сводки ОГПУ констатировали растущее недовольство.

Руководство страны все больше нуждалось во внешнем и внутреннем врагах. Напоминание об угрозе войны на протяжении многих последующих лет помогало уменьшать недовольство своим положением значительной части населения. Одновременно была усилена политика поиска «внутреннего врага»: заговорщиков, кулаков, шпионов и террористов. Вскоре почти каждая авария, пожар, техногенная катастрофа стали объясняться деятельностью «нераскрытых врагов».

В этой ситуации связать «оживление контрреволюционных элементов» и деятельность оппозиции не представляло труда. Тем более, что сторонники Троцкого, Зиновьева и Каменева активизировали свою деятельность. Они, в свою очередь, стремились использовать ситуацию для доказательства правильности своей позиции и критики курса «большинства». В мае — июне 1927 г. появилось «Заявление 83-х». К нему присоединились около полутора тысяч членов партии с дореволюционным стажем. Однако все попытки получить более широкую поддержку как внутри ВКП(б), так и в зарубежных компартиях, успеха не имели. Дело ограничивалось отдельными выступлениями и демонстрациями, которые давали повод большинству для новых организационных выводов. Так, 9 июня 1927 г. на Ярославском вокзале оппозиция организовала проводы члена ЦК И. Т. Смилги, уезжавшего по постановлению ЦК для работы на Дальнем Востоке. К собравшимся с речью обратился Троцкий. Хотя о внутрипартийных разногласиях знала вся страна, но формально их раскрытие перед внепартийной публикой считалось недопустимым.

Объединенный пленум ЦК и ЦКК в июле–августе 1927 г. обвинил оппозицию в стремлении разрушить дисциплину партии и разоружить пролетариат СССР «перед лицом надвигающейся военной угрозы»⁹¹. Но даже в это время, ведя дело к полной политической изоляции лидеров оппозиции, Сталин подчеркивал свою умеренность. На том же пленуме в ответ на предложения немедленно исключить Троцкого, Зиновьева и Каменева из ЦК Сталин заявил: «Подождите, товарищи, не торопитесь... Примет эти условия оппозиция — хорошо. Не примет — тем хуже для нее». На новом пленуме ЦК и ЦКК 23 октября 1927 г. Сталин даже признал, что «я тогда передобрал и допустил ошибку, предлагая более умеренную линию в отношении Троцкого и Зиновьева», но «теперь надо стоять в первых рядах тех товарищей, которые требуют исключения Троцкого и Зиновьева из ЦК»⁹². Решение было тут же принято.

Через две недели сторонники оппозиции пытались в 10-летнюю годовщину Октября, 7 ноября, организовать демонстрации в Москве и Ленинграде. Они несли транспаранты: «Да здравствуют вожди мировой революции — Троцкий и Зиновьев!», «Повернем огонь направо — против кулака и нэпмана!» Заранее подготовленные «трудящиеся», среди которых было немало работников ОГПУ, разгромили

манифестантов, порвали их плакаты. 12 ноября Президиум ЦКК исключил из ЦК И. А. Авдеева, Г. Е. Евдокимова, Л. Б. Каменева, Х. Г. Раковского, И. Т. Смильгу, а И. П. Бакаева, Г. Я. Лиздиня, Н. И. Муралова, А. А. Петерсон, К. С. Соловьева и Г. Л. Шкловского — из ЦКК. 14 ноября Троцкий и Зиновьев решением ЦК и ЦКК были исключены из партии. Член Политбюро ЦК М. П. Томский, выступая на первой Ленинградской областной партийной конференции, под аплодисменты делегатов говорил об оппозиции: «Если вы попытаетесь выйти теперь на фабрики и заводы, то мы скажем “присядьте, пожалуйста”, ибо, товарищи, в обстановке диктатуры пролетариата может быть и две, и три, и четыре партии, но только при одном условии: одна партия будет у власти, а остальные в тюрьме»⁹³.

В спорах с оппозицией менялись и оценки прошлого. Сталин в декабре 1927 г., вспоминая о позиции Каменева и Зиновьева в октябре 1917 г., утверждал, что они «шли на восстание из-под палки, Ленин их погонял палочкой, угрожая исключением из партии»⁹⁴. Из фильма С. Эйзенштейна «Октябрь», премьера которого состоялась на торжественном заседании в Большом театре, при монтаже по настоянию Сталина были вырезаны кадры с Троцким⁹⁵. Талантливое искусство, служа власти, начало оскоплять историю.

Одновременно, демонстрируя приверженность «внутрипартийной демократии», пленум ЦК и ЦКК 23 октября объявил о проведении внутрипартийной дискуссии за месяц до открытия XV съезда партии. Она началась 1 ноября. Против 725 тысяч, голосовавших за «генеральную линию» ЦК, нашлось шесть тысяч мужественных людей, поддержавших платформу оппозиции. Дело даже не в том, были ли правы эти «оппортунисты» по существу. Но они решились сделать это, уже понимая и ощущая многие последствия этого. Гораздо больше было тех, кто, не соглашаясь с ЦК, не решался высказаться открыто. Об этом говорит хотя бы то, что в 1926 г. из партии вышло 80 тыс. человек, т. е. в 10 раз больше, чем в 1924 г. При этом 80 % из них были «рабочими от станка», за плечами у 50 % были армия и Гражданская война⁹⁶. На местах сторонников оппозиции исключали из партии.

Со 2 по 19 декабря 1927 г. проходил XV съезд ВКП(б). Он проходил под знаком восхваления Сталина и поношения оппозиционеров. При перечислении кандидатов в президиум съезда Сталин, единственный из всех, удостоился бурных аплодисментов, криков «ура» и всеобщего вставания. Представитель сахарного завода из

Киевской области сообщил о двух подарках съезду из сахара: одиннадцатипудовом бюсте В. И. Ленина и «барельефе-портрете нашего железного, непоколебимого... т. Сталина». Представитель рабочих-металлистов Сталинграда передал в президиум съезда стальную метлу в надежде, что съезд «сметет оппозицию вот этой жесткой метлой». Речи представителей оппозиции постоянно прерывались репликами, выкриками, требованиями покинуть трибуну, встать на колени перед партией. Председатель Совнаркома СССР, член Политбюро ЦК А. И. Рыков в ответ на слова Каменева об арестованных оппозиционерах подчеркнул, что он не отделяет себя от тех революционеров, «которые некоторых сторонников оппозиции... посадили в тюрьму». Все попытки напомнить о прошлой совместной борьбе, о стремлении критиковать партию «в интересах дела, а не ради подхалимства», встречались оскорблениями. Член партии с 1903 г., первый советский командующий Московским военным округом Н. И. Муралов, не выдержав этих выкриков, воскликнул: «Товарищи, если любому из вас скажут, что вы убили свою жену, съели своего деда, оторвали голову своей бабке, как вы будете чувствовать себя, как вы докажете, что этого не было?». В ответ на эти пророческие для большинства делегатов слова он услышал: «Долой!». 18 декабря съезд единогласно постановил исключить из партии 98 активных деятелей оппозиции: 75 «активных деятелей троцкистской оппозиции» и 23 человека из группы Т. В. Сапронова. Сама принадлежность к левой оппозиции и пропаганда ее взглядов были признаны «несовместимыми с пребыванием в партии»⁹⁷. Таким образом, «... меньшевистская заноза... в корне и окончательно вырвана», — сказал в своей речи Рыков перед закрытием XV съезда.

Уже в январе 1928 г. за партийными мерами наказания последовало уголовное преследование. По решению Политбюро, ЦК ОГПУ арестовало и выслало в различные районы страны бывших членов ЦК и ЦКК, видных деятелей партии А. Г. Белобородова, Н. И. Муралова, К. Б. Радека, Х. Г. Раковского, Г. И. Сафарова, Л. П. Серебрякова, И. Т. Смилгу, И. Н. Смирнова и многих других. В последующие годы все они были признаны «врагами народа» и репрессированы. Л. Д. Троцкого 17 января 1928 г. в сопровождении группы работников ОГПУ выслали в Алма-Ату. Здесь он продолжал активную переписку со своими сторонниками. Политбюро ЦК 7 января 1929 г. приняло решение о его выдворении за пределы СССР. Тогда же ОГПУ

арестовало около 150 сторонников Троцкого. 10 февраля 1929 г. на пароходе «Ильич», вышедшем из Одессы в Стамбул, Троцкий, его жена Надежда Ивановна Седова и их сын Лев навсегда покинули родину. 20 августа 1940 г. в Мексике агент НКВД Рамон Меркадер нанес Троцкому смертельный удар ледорубом по голове. 21 августа он скончался в госпитале.

Редкие его сторонники в рядах ОГПУ теперь подвергались репрессиям, вплоть до смертной казни. Нелегальный резидент Иностранного отдела ОГПУ на Ближнем Востоке Я. Г. Блюмкин, установивший связь с Троцким в Константинополе (Стамбуле), вернулся в Москву в августе 1929 г. и 9 октября прошел партийную чистку. Но, когда через несколько дней стала известна его связь с Троцким, он был немедленно арестован и 5 ноября на основании решения Политбюро ЦК и постановления коллегии ОГПУ расстрелян. В январе 1928 г. сумел поступить в ОГПУ на должность уполномоченного Информационного отдела сторонник оппозиции комсомолец Б. Л. Рабинович. Он явно был вдохновлен примером Н. В. Клеточникова, который в течение двух лет в 1879–1880 гг. снабжал сведениями об осведомителях и готовящихся арестах «Народную волю». Рабинович поддерживал связь с бывшим начальником Особого отдела Ленинградского военного округа В. Ф. Панкратовым. 18 декабря 1929 г. его арестовали и через три недели расстреляли⁹⁸.

С деятелями оппозиции обращались по принципу «кнута и пряника». Им предлагали покаяться, обещая восстановление в партии, возвращение в Москву и в круг советской элиты. Вкусившие власти и благ, эти люди в подавляющем большинстве не выдерживали отлучения от власти. Первыми на колени упали Зиновьев и Каменев. Уже 22 июня 1928 г. они вновь стали членами ВКП(б). Но Сталин

**Постановление о высылке
Троцкого из СССР**

предъявлял им все новые обвинения, каждый раз заставляя каяться, и все глубже погружая в трясину унижений и позора. Их вновь исключили из партии 9 октября 1932 г., но восстановили 14 декабря 1933 г. И дали возможность выступить на XVII съезде ВКП(б) в феврале 1934 г., славословя Сталина и поливая себя грязью. Зиновьев объявил доклад Сталина «шедевром», а съезд — «триумфом партии». Их арестовали 16 декабря 1934 г., после убийства Кирова. Через месяц, 16 января 1935 г., по делу так называемого «Московского центра» Зиновьева приговорили к 10 годам тюрьмы, а Каменева — к пяти. Спустя полгода, 27 июля 1935 г., Каменеву уже по так называемому «кремлевскому делу» увеличили срок заключения до 10 лет. Наконец, 19–24 августа 1936 г. вместе с многолетними соратниками И. П. Бакаевым, Г. Е. Евдокимовым, С. В. Мрачковским, Н. И. Смирновым и еще десятью обвиняемыми их вывели на так называемый процесс «антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра». Все 16 человек были расстреляны. Революция пожирала своих лидеров. В немалой степени, именно их усилиями в партии и в стране был утвержден режим, который не мог не привести одних на эшафот, других в тюрьмы, а страну и партию — в тупик.

19 декабря 1927 г. состоялось последнее заседание XV съезда партии. Его вел А. И. Рыков. Перед закрытием он выступил с короткой речью. Председатель Совнаркома СССР подчеркнул, что «мы приступили к осуществлению развернутой программы социалистического строительства», что съезд «освободил партию от угрозы образовавшегося внутри нее меньшевистского гнойника», что «съезд войдет в историю партии как мощная, исключительная демонстрация большевистского единства», что «мы... преодолеем все трудности..., доведем до конца начатое нами дело. На то мы и большевики!» Звучали голоса: «Да здравствует мировая революция! Да здравствует новый ЦК»⁹⁹. В тот же день прошел пленум ЦК. Он избрал Политбюро ЦК в количестве девяти человек: Н. И. Бухарин, К. Е. Ворошилов, М. И. Калинин, В. В. Куйбышев, В. М. Молотов, Я. Э. Рудзутак, А. И. Рыков, И. В. Сталин, М. П. Томский. Кандидатами в члены Политбюро стали восемь человек: Г. И. Петровский, Н. А. Угланов, А. А. Андреев, С. М. Киров, А. И. Микоян, Л. М. Каганович, В. Я. Чубарь, С. В. Косиор. Казалось, в рядах партийно-государственного руководства утвердилось долгожданное единство. Когда на этом пленуме ЦК Сталин в очередной раз попросил освободить его от обязанностей генерального секретаря, против

